

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ФАКТИЧЕСКОГО ЗАДЕРЖАНИЯ И ДОСТАВЛЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Аннотация. В статье поднимаются проблемы правовой природы фактического задержания и доставления лица в орган дознания или к следователю, предшествующих его задержанию по подозрению в совершении преступления в порядке гл. 12 УПК РФ.

Системный анализ доктринальных источников, положений национального законодательства, некоторых нормативных правовых актов государств, возникших на постсоветском пространстве, и практики Европейского Суда по правам человека позволяет сделать вывод, что ни фактическое задержание, ни доставление нельзя признавать объектами уголовно-процессуального регулирования ввиду неоднородности соответствующих правоотношений, с «классическими» публично-правовыми отношениями, складывающимися в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, ни фактическое задержание, ни доставление нельзя признавать элементами исключительно административной деятельности правоохранительных органов.

Автор приходит к выводу, что фактическое задержание потенциального подозреваемого и его доставление имеют комплексный характер, который выражается в конституционно-правовом базисе и основанном на нем межотраслевом механизме ограничения права личности на свободу и личную неприкосновенность, включающем в себя административные, оперативно-розыскные, пенитенциарные и иные аспекты.

Рассмотрение фактического задержания и доставления в конституционно-правовом и межотраслевом контексте должно обусловить формирование некоего единого механизма реализации указанных полномочий в различных формах юрисдикционной деятельности различными правоохранительными органами.

Вместе с тем это способствует нивелированию или переосмыслению многих зреющих годами проблем теории и практики уголовного судопроизводства, в частности вопросов о моменте фактического задержания, об обеспечении задержанному защитника, о правовой природе так называемого гражданского задержания и т.д.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, фактическое задержание, доставление задержанного, административное задержание, меры уголовно-процессуального принуждения, право на свободу и личную неприкосновенность, предмет уголовно-процессуального регулирования, уголовно-процессуальные правоотношения, предмет административно-правового регулирования, уголовно-процессуальная форма.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.141.8.068-080

© Россинский С. Б., 2018

* Россинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

s.rossinskiy@gmail.com

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

На общем фоне доктринальных, нормативно-правовых и практических проблем, охватывающих задержание подозреваемого в уголовном судопроизводстве, особый интерес в настоящее время приобретают вопросы, связанные с так называемым фактическим задержанием (так называемым захватом¹) и доставлением лица, т.е. неким комплексом оперативно-розыскных, административных и иных непроцессуальных мероприятий правоохранительных органов, связанных не с формальным, а с сугубо реальным (физическим) ограничением возможности человека (индивида) на свободу передвижения и предопределяющим его принудительное перемещение в орган дознания или к следователю.

Очевидно, что актуальность данной проблемы напрямую обусловлена современными представлениями о механизмах уголовной юрисдикции, основанными на либеральных постулатах, возводящими личность на недостижимый пьедестал, отождествляющими заботу об ее правах и интересах со смыслом и целями уголовно-процессуальной деятельности. Причем после ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод² и признания юрисдикции Европейского Суда по правам человека³ особое значение в этом сегменте уголовно-процессуальной деятельности приобрели прецедентные решения этого наднационального судебного органа. В ряде своих актов ЕСПЧ высказывал позицию, увязывающую категорию «лишение свободы» не с формальными, а именно с содержательными, с сущностными

признаками (например, с принудительным пребыванием в ограниченном пространстве, с изоляцией человека от общества, семьи, с невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц и т.д.)⁴, т.е. с ограничением именно тех возможностей индивида, которые, в частности, упираются в его фактическое задержание и принудительное доставление. Периодически возвращаясь к толкованию пресловутой ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ЕСПЧ вообще традиционно отталкивался и продолжает отталкиваться именно от свободы физической⁵, которую не следует жестко привязывать к соответствующему правоограничительному решению национального правоприменительного органа.

Во многом впитавший указанные правовые идеалы и ценности действующий уголовно-процессуальный закон определяет задержание подозреваемого как меру принуждения, применяемую с момента фактического задержания. Таким образом, находящиеся в системном единстве п. 11, 15 ст. 5, ч. 1 ст. 10, ч. 2 ст. 46 и ст. 92 УПК РФ вроде бы дают основания говорить о фактическом задержании и доставлении как о первом, а точнее даже — нулевом, этапе в сложной структуре рассматриваемого правоограничительного механизма.

Поэтому вполне естественно, что подобные взгляды находят отражение и в современных научных публикациях⁶. В частности, в некоторых из них активно отстаивается точка зрения о единстве юридического (составление протокола) и фактического задержания, предпо-

¹ Термин «захват» в настоящее время используется уже достаточно многими авторами как равнозначный, синонимичный термину «фактическое задержание». См., например: *Петрухин И. Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М. : Наука, 1989. С. 56 ; *Григорьев В. Н.* Задержание подозреваемого. М. : ЮрИнфор, 1999. С. 50.

В данной статье мы также будем использовать оба эти термина как равнозначные.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. протоколами).

³ Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней».

⁴ См.: постановления Европейского Суда по правам человека от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76) ; от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) ; от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, № 14992/89).

⁵ Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 июля 1996 г. по делу «Амюур против Франции» (жалоба № 12598/94).

⁶ Справедливости ради следует обратить внимание, что данная позиция вовсе не является новацией для отечественной уголовно-процессуальной науки, возникшей на пике демократических преобразований и в связи с принятием нового УПК РФ. Подобные взгляды имелись и в более ранних публикациях. См.,

лагающая уголовно-процессуальный характер последнего, рассмотрение его как начального элемента применения данной меры принуждения. Л. В. Головки отмечает, что задержание вообще почти всегда является фактическим, поэтому противопоставлять надо не фактическое и юридическое задержание, а само задержание и его процессуальное оформление⁷. Аналогичную позицию занимает С. С. Чернова. Она считает, что законодатель признает существование на практике двух этапов задержания лица по подозрению в совершении преступления: фактического (физического) и юридического, при котором фактическое задержание получает процессуальное оформление⁸. Т. М. Мачарашвили прямо утверждает, что фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления является начальным этапом процессуального задержания, завершающегося составлением протокола задержания в соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ⁹.

А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский высказывают более осторожный тезис. Они полагают, что фактический захват может являться элементом процессуального задержания, а может быть и не связанным с ним¹⁰.

Отдельные авторы даже предлагают дополнить общую структуру задержания подозреваемого новым процессуальным действием, заключающимся в его захвате и доставлении в орган дознания или к следователю¹¹. Попутно отметим, что подобные новации уже получили законодательное закрепление в уголовно-процессуальных кодексах некоторых государств, возникших на постсоветском пространстве (на-

пример, ст. 174 УПК Грузии¹², ст. 224 УПК Узбекистана¹³, ст. 208 УПК Украины¹⁴).

Наверное, подобные доктринальные воззрения вполне имеют право на существование. Тем более, что с сугубо политических (т.е. в какой-то степени чисто популистских и даже обывательских) позиций они должны показаться безупречными, выражающими передовые демократические принципы построения системы уголовной юрисдикции. Вполне очевидно, что такого же мнения придерживались и депутаты Государственной Думы, и члены Совета Федерации Федерального Собрания РФ, которые в конце 2001 г. голосовали за одобрение нового Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Однако узкопрофильному специалисту все-таки отчетливо видны многие доктринальные, нормативно-правовые и, самое главное, организационно-практические изъяны и противоречия подобного варианта правовой регламентации фактического задержания. А в целях их более глубокого осмысления для начала достаточно задаться простым вопросом: действительно ли современный уголовно-процессуальный закон РФ включает фактическое задержание и доставление в сферу уголовно-процессуальных отношений или подобный тезис все-таки является мнимым, надуманным?

Представляется, что если УПК РФ и выражает данный подход, то очень косвенно, не конкретно. Оценки фактического задержания как бесспорного фрагмента процессуальной деятельности сильно преувеличены, кстати, во многом благодаря ошибочному толкованию соответствующих положений закона, в том

например: Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск : Вышэйшая школа, 1969. С. 92.

⁷ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 530.

⁸ Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 15.

⁹ Мачарашвили Т. М. Момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. М. : Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2. С. 72.

¹⁰ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. В. Смирнова. 3-е изд. М. : КноРус, 2007. С. 230.

¹¹ См., например: Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2005. С. 152 ; Цоколова О. И. Фактическое задержание // Законность. 2006. № 3. С. 27 ; Шамсутдинов М. М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 172.

¹² Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-III.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII.

¹⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI.

числе исходящему из вышеприведенных доктринальных позиций. По нашему мнению, ни одна норма УПК РФ не предполагает четкой формулы: «фактическое задержание и доставление — это акты уголовно-процессуальной деятельности». Из содержащегося в п. 11 ст. 5 УПК РФ легального определения задержания подозреваемого вовсе не вытекает прямой тезис о захвате лица как о структурном элементе этой меры принуждения. Данная норма лишь имплементирует в сферу уголовно-процессуального законодательства существующие позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, придавая фактическому задержанию значение некой точки отсчета допустимых сроков ограничения права на свободу и личную неприкосновенность.

Для контрастности приведем положения из нескольких уголовно-процессуальных кодексов государств СНГ, которые, видимо, желая опередить Российскую Федерацию в догматичном стремлении «к цивилизации», к неким международным или европейским ценностям, прямо определили фактическое задержание как элемент уголовного судопроизводства:

- «Задержанием является взятие лица под стражу, доставление его в орган дознания или орган, осуществляющий производство, составление протокола и объявление ему об этом для кратковременного содержания под стражей в местах и в условиях, определенных законом» (ч. 1 ст. 128 УПК Армении¹⁵);
- «Задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом» (ч. 1 ст. 107 УПК Белоруссии¹⁶);

— «Задержание может быть произведено как до возбуждения уголовного дела, так и после его возбуждения. В последнем случае задержание допускается лишь по постановлению дознавателя, следователя или прокурора» (ч. 1 ст. 220 УПК Узбекистана) и т.д.

Остается лишь отдать должное разработчикам УПК РФ, которые поступили более взвешенно, с разумной долей консерватизма, уберегли национальное законодательство от подобных поспешных преобразований. Видимо, отчасти это произошло благодаря тому, что в уголовно-процессуальной доктрине традиционно существовала и иная точка зрения, представители которой заявляли¹⁷ и продолжают заявлять¹⁸ о недопустимости рассматривать захват (фактическое задержание) и доставление в качестве первого этапа всей процессуальной процедуры задержания подозреваемого как не отвечающих общим подходам к сущности и содержанию уголовного судопроизводства.

Данная позиция представляется гораздо более разумной и справедливой. А для ее обоснования следует лишь взглянуть на обозначенную проблему не сквозь «псевдолиберальные очки», а под несколько иным углом — с точки зрения общей теории уголовного процесса, сущности и содержания процессуальной формы. По нашему мнению, неоднородность «классических» уголовно-процессуальных отношений и правоотношений, складывающихся во время захвата и доставления потенциального подозреваемого, более чем очевидна. Говоря проще, фактическое задержание по своей правовой природе не вписывается в процессуальную орбиту, противоречит общепринятой архитектуре процессуальных действий и носит скорее «предпроцессуальный» или «околопроцессуальный» характер. Ведь ввиду публично-

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армении от 1 сентября 1998 г. № НО-248.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-3.

¹⁷ См.: *Мирский Д. Я.* Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды Иркутского университета. Т. 45. Серия юрид. Вып. 8. Ч. 4 : Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск : Иркутский госуниверситет, 1969. С. 298 ; *Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилов А. А.* Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М. : Академия МВД СССР, 1975. С. 24 ; *Григорьев В. Н.* Указ. соч. С. 106—107.

¹⁸ См., например: *Булатов Б. Б.* Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск : Омская академия МВД России, 2003. С. 56 ; *Токарева М. Е., Буланова Н. В., Быкова Е. В., Власова Н. А., Руденко С. В.* Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / под ред. М. Е. Токаревой. М. : Юрлитинформ, 2005. С. 36 ; *Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А.* Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. Калининград : КЮИ МВД России, 2006. С. 88 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд. М. : Норма, 2013. С. 328—329.

правового юрисдикционного характера уголовного-процессуальной деятельности одним из участников любого правоотношения, входящего в ее содержание, всегда (без каких-либо исключений!) выступает субъект уголовной юрисдикции (суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель и т.д.), наделенный по отношению к другому участнику соответствующими государственно-властными полномочиями уголовно-процессуального характера.

На данную особенность уголовно-процессуальных отношений обращали внимание многие исследователи. В частности, еще Н. Н. Полянский в 1956 г. писал: «Одним из субъектов процессуальных отношений является орган власти. Этот элемент присутствует и тогда, когда сторона в процессе выступает в качестве носителя права, ибо эта обязанность есть обязанность органа власти»¹⁹. В. Н. Шпилев отмечал, что уголовно-процессуальные отношения имеют государственно-властную природу волевого характера и являются «властеотношениями». Они существуют и могут существовать лишь при наличии государства, действующего посредством специально уполномоченных органов²⁰. В. П. Божьев в своей самой известной монографии, прямо посвященной уголовно-процессуальным отношениям, утверждал, что в силу публично-правового начала, присущего советскому уголовному судопроизводству, специфической особенностью каждого такого (уголовно-процессуального) отношения является участие в нем представителя государственной власти (для судебных стадий — суда, для досудебного производства — представителя органа дознания, следователя, прокурора)²¹. Близкие по смыслу высказывания содержатся в целом ряде других работ.

Хотя справедливости ради следует отметить, что отдельные ученые-процессуалисты высказывали и несколько иные суждения. Например, Р. Д. Рахунов, критикуя вышеприведенную позицию Н. Н. Полянского, говорил о ее неполноте ввиду исключения из системы

уголовно-процессуальных отношений различных форм взаимодействия участников судебного заседания, в частности при ответе одного из них на вопросы другого и т.д.²² Но, на наш взгляд, данная точка зрения представляется неприемлемой, а ее ошибочность явилась следствием необоснованного упрощения механизмов судебного следствия. Достаточно вспомнить, что ни в бытность уважаемого профессора Р. Д. Рахунова, ни в настоящее время уголовно-процессуальное право не предусматривало и не предусматривает возложенного на свидетеля, потерпевшего и других участников судебного заседания бремени отвечать на вопросы сторон. По смыслу закона такая обязанность существует только по отношению к властным полномочиям суда, следователя, дознавателя. Поэтому в данном случае мы согласны с позициями того же Н. Н. Полянского, Л. Б. Алексеевой и многих других ученых, совершенно справедливо разводящих властные полномочия субъектов уголовной юрисдикции и невластные права сторон, в том числе за постановку собственных вопросов участникам судебного заседания²³. Представляется, что государственный обвинитель, потерпевший, защитник, подсудимый не задает непосредственных вопросов допрашиваемому лицу, а лишь как бы «вбрасывает» эти вопросы в судебное заседание, оглашает их для восприятия всеми присутствующими лицами, а суд (председательствующий), в свою очередь, либо перенаправляет данные вопросы адресатам (т.е. предлагает им ответить на эти вопросы), либо снимает вопросы с повестки, сочтя их неуместными или недопустимыми. Аналогичным образом следует охарактеризовать и правовые механизмы, имеющие место в досудебном производстве (в ходе допросов, очных ставок, проверок показаний на месте и т.д.).

Но даже если условно допустить правильность позиции Р. Д. Рахунова и солидарных с ним ученых, это никоим образом не повлияет на возможность отнесения фактического задержания и доставления к «классическим»

¹⁹ Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : МГУ имени В.М. Ломоносова, 1956. С. 49.

²⁰ Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск : БГУ имени В. И. Ленина, 1974. С. 72.

²¹ Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М. : Юрид. лит., 1975. С. 153.

²² Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М. : Госюриздат, 1961. С. 65.

²³ Полянский Н. Н. Указ. соч. С. 49 ; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. С. 115—116.

уголовно-процессуальным отношениям, их признания полноценными уголовно-процессуальными механизмами и включения в содержание уголовно-процессуальной деятельности хотя бы по той причине, что осуществляющие их лица в принципе не являются участниками уголовного судопроизводства.

Фактическое задержание обычно проводят не сотрудники органов дознания или предварительного следствия, а представители служб и подразделений МВД России, ФСБ России, ФСИН России, ФТС России и иных ведомств, осуществляющие административную, оперативно-розыскную, уголовно-исполнительную или иную непроцессуальную деятельность, которые в принципе не наделены полномочиями по производству предварительного расследования и, таким образом, не имеют никаких законных прав на вынесение уголовно-процессуального акта — протокола задержания подозреваемого. Как совершенно справедливо писал И. М. Гуткин, такая деятельность во многих случаях осуществляется лицами рядового и младшего начальствующего состава милиции, которые не пользуются правом производства уголовно-процессуальных действий. Аналогичным образом следует оценивать и полномочия представителей среднего и старшего начальствующего состава, связанные с выполнением обязанностей по охране общественного порядка²⁴. В свою очередь, С. В. Супрун отмечает, что служащие правоохранительных органов (автор говорит конкретно о сотрудниках органов внутренних дел) во время физического захвата и доставления лица в орган дознания не являются субъектами уголовно-процессуального задержания подозреваемого, а следовательно, и субъектами лишения его права на свободу передвижения в уголовно-процессуальном аспекте²⁵. И если даже в фактическом задержании принимают участие штатные следователи или дознаватели (что иногда случается на практике), они, факти-

чески становясь потенциальными свидетелями случившегося, не вправе участвовать в уголовном судопроизводстве, обязаны заявить самоотвод или подлежат внешнему отводу.

Законодатель совершенно разумно не предусматривает какой бы то ни было формализованной процедуры фактического задержания и доставления аналогично тому, как этот вопрос решен в вышеупомянутых кодексах Грузии, Узбекистана, Украины и некоторых других бывших союзных республик. В связи с доктринальной и, самое главное, практической невозможностью проведения фактического задержания субъектами, наделенными соответствующими юрисдикционными полномочиями уголовно-процессуального характера, подобная формализация представляется бессмысленной.

Таким образом, организационно-обеспечительные меры по фактическому задержанию и доставлению лишены основного правового атрибута, позволяющего включить их в предмет уголовно-процессуального регулирования — той самой процессуальной формы (порядка, процедуры), которая, собственно говоря, и позволяет выделять любые процессуальные действия из общей массы мероприятий, осуществляемых судебными и правоохранительными органами. Напомним, что под уголовно-процессуальной формой следует понимать предусмотренный законом всеобщий, единый и обязательный порядок, установленный для производства по уголовным делам в целом, а также для осуществления самостоятельных стадий уголовно-процессуальной деятельности и реализации отдельных уголовно-процессуальных отношений в частности²⁶. В своих работах мы уже неоднократно отмечали, что любой акт уголовно-процессуальной деятельности должен предполагать определенную формализацию, т.е. иметь четко установленную УПК РФ процедуру²⁷. Безусловно, закон допускает различные степени подобной

²⁴ Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие. М. : Академия МВД СССР, 1980. С. 16—17.

²⁵ Супрун С. В. Фактическое задержание: буквальное толкование п. 15 ст. 5 УПК // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4 (43). С. 26.

²⁶ Подробнее об этом см., например: Рахунов Р. Д. Указ. соч. С. 71 ; Шпилев В. Н. Указ. соч. С. 102—103 ; Росинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 140—144.

²⁷ Росинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. С. 257.

формализации: иногда регламентирует буквально каждый шаг дознавателя, следователя, суда; иногда предполагает более свободную форму, подчиняя ее преимущественно принципам уголовного судопроизводства и общим условиям предварительного расследования или судебного разбирательства и т.д. Но тем не менее УПК РФ применительно к любому процессуальному действию все же предусматривает какие-либо процедурные правила: основания и правовые условия производства, полномочия, права и обязанности участвующих лиц, сроки и последовательность проведения, гарантии доброкачественности и т.д.

В то же время фактическое задержание и доставление — это категории, которые лишь упоминаются в тексте УПК РФ и не дают никакого права считать их полноценным элементом уголовно-процессуальной деятельности. Имея ярко выраженный бланкетный характер, они приобретают для уголовного судопроизводства значение не более чем классических юридических фактов (правовых гипотез), обуславливающих возникновение целого ряда процессуальных правоотношений, например, необходимости обеспечения защитника (пп. а п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), начала исчисления срока содержания под стражей (п. 1 ч. 10 ст. 109 УПК РФ), срока, установленного для допроса лица в качестве подозреваемого (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), срока, установленного для составления протокола задержания подозреваемого (ч. 1 ст. 92 УПК РФ) и т.д.

Непосредственные правила фактического захвата и доставления лица, подлежащего задержанию по подозрению в совершении преступления, регламентируются законодательными и иными нормативными правовыми актами, имеющими совершенно иную природу и отраслевую (преимущественно ад-

министративно-правовую) принадлежность, определяющими организацию и деятельность правоохранительных органов. Применительно к некоторым из них предусмотрены более или менее внятные основания и процедурные правила фактического задержания и доставления (например, ст. 14 Закона о полиции²⁸, ст. 10 Закона о Росгвардии²⁹). А в части работы иных органов законодательство (например, Законы о ФСБ³⁰, о таможенном регулировании³¹ или о ФСИН³²) содержит лишь короткие и весьма бессистемные формулировки, предполагающие только право осуществления задержания должностными лицами данных ведомств.

Поэтому некоторые авторы, посвятившие свои работы проблемам задержания подозреваемого, намекали на административно-правовой характер фактического задержания и доставления. Так, еще Д. Я. Мирский в 1969 г. говорил, что первые две стадии задержания подозреваемого (т.е. захват и доставление) являются действиями административными³³. Аналогичные тезисы высказываются в работах И. М. Гуткина³⁴ и В. Н. Григорьева³⁵. А. П. Гуляев писал, что предшествующие составлению протокола задержания подозреваемого действия, связанные с захватом и доставлением лица, обычно осуществляются либо в административном порядке, либо в порядке выполнения гражданского и общественного долга³⁶.

Подобная позиция в целом представляется лежащей в правильном направлении, поскольку предполагает разведение всего сложного правового механизма по задержанию подозреваемого на процессуальные и непроцессуальные (как бы «предпроцессуальные») элементы. Однако при этом она имеет и целый ряд недостатков, обусловленных в первую очередь несколько поверхностным пониманием учеными-процессуалистами сущности ад-

²⁸ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп.).

²⁹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (с изм. и доп.).

³⁰ Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (с изм. и доп.).

³¹ Федеральный закон от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (с изм. и доп.).

³² Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изм. и доп.).

³³ Мирский Д. Я. Указ. соч. С. 298.

³⁴ Гуткин И. М. Указ. соч. С. 17.

³⁵ Григорьев В. Н. Указ. соч. С. 107—108.

³⁶ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Мозякова. М. : Экзамен XXI, 2002. С. 28.

министративного права и узконаправленного предмета административно-правового регулирования.

Во-первых, сфера применения административно-правовой отрасли как совокупности норм, регламентирующих общественные отношения в области государственного (публичного) управления³⁷, изначально является достаточно условной. Современные подходы к сложным механизмам государственно-управленческой деятельности предполагают их рассмотрение в широком смысле. Помимо традиционных органов исполнительной власти к субъектам государственного управления в настоящее время относят и органы законодательной (представительной) власти, и суды, и прокуратуру, и т.д.³⁸ При этом многие из них осуществляют свои исполнительно-распорядительные полномочия посредством тех же самых форм и методов, которые изначально рассматривались исключительно в контексте административно-правового регулирования. Для примера достаточно вспомнить организационное построение и механизмы деятельности органов Следственного комитета РФ или прокуратуры РФ; от классических административно-правовых форм и методов они отличаются лишь специфическим предметом ведения, обуславливающим иную отраслевую регламентацию (в частности, уголовно-процессуальное право). Что уж говорить об остальных органах предварительного расследования, которые вообще структурно включены в систему исполнительной власти.

В подобном контексте любые уголовно-юрисдикционные механизмы, в частности применяемые в ходе досудебного производства по уголовному делу, также в определенной степени приобретают исполнительно-распорядительный (управленческий) характер, и, следовательно, дифференциация процедуры задержания подозреваемого на процессуальные и административные элементы теряет всякий смысл.

Кроме того, такой подход предполагает возникновение доктринальной ошибки, вы-

раженной в подмене понятий, в смешивании принципиально различных по своей природе правовых механизмов: фактического задержания (захвата) и административного задержания, осуществляемого в порядке производства по делам об административных правонарушениях (ст. 27.3—27.6 КоАП РФ). В результате некоторые ученые-процессуалисты предлагают считать фактический захват и доставление подозреваемого к следователю административным задержанием, подпадающим под режим, установленный Кодексом об административных правонарушениях³⁹. Вполне очевидно, что разработчики действующего УПК РФ также в определенной степени попали под влияние указанного заблуждения, по сути, приравняв срок, установленный для составления протокола задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве, к сроку, отведенному для административного задержания в производстве по делу об административном правонарушении. По крайней мере ни в научной литературе, ни где бы то ни было еще не существует никакого иного обоснования 3-часового срока для составления протокола задержания, установленного ч. 1 ст. 92 УПК РФ.

А вместе с тем предусмотренное КоАП РФ административное задержание никоим образом не может подменять собой фактический захват лица для нужд уголовного судопроизводства. Мы полностью согласны с авторами, исключаящими возможность их правовой интеграции, подмены одного другим⁴⁰. Не углубляясь в различия назначения уголовно-процессуальной деятельности и производства по делам об административных правонарушениях, обратим лишь внимание на то, что предусмотренное КоАП РФ административное задержание, являясь мерой принуждения, представляет собой некий правовой аналог задержанию подозреваемого по уголовному делу. Следовательно, по смыслу закона и ввиду реалий правоприменительной практики фактический захват и доставление лица предшествует обоим формам задержания: и уголов-

³⁷ Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1967. С. 8.

³⁸ См.: Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М. : Формула права, 2007. С. 29—30 ; Росинский Б. В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 5. С. 9.

³⁹ Яшин В. Н. О некоторых проблемах института задержания подозреваемого в отечественном уголовном процессе // Юриспруденция. 2017. № 7. С. 43.

⁴⁰ Мачарашвили Т. М. Указ. соч. С. 72.

но-процессуальному, и административному. Кстати, различия между фактическим задержанием и задержанием как мерой обеспечения по делу об административном правонарушении достаточно четко вытекают и из смысла ч. 4 ст. 14 Закона о полиции, где указано: «Срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Срок административного задержания исчисляется в соответствии с законодательством об административных правонарушениях».

Другое дело, что ввиду несколько упрощенных механизмов административной юрисдикции одно и то же должностное лицо уполномочено сначала провести захват и доставку нарушителя, а затем — самостоятельно составить соответствующий протокол в порядке ст. 27.4 КоАП РФ. И поэтому сугубо практически правовая грань между этими этапами задержания в ходе производства по делу об административном правонарушении не так ощутима.

Во-вторых, выдвигаемый некоторыми авторами тезис об административном характере фактического захвата и доставления потенциального подозреваемого в орган дознания или к следователю как бы исключает иные существующие в правоприменительной практике приемы технического обеспечения участия данного лица в уголовном судопроизводстве. Фактическое задержание вполне может быть проведено оперативными сотрудниками в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий, например оперативного эксперимента или проверочной закупки. При этом отсутствие в тексте Закона об ОРД⁴¹ соответствующей нормы, корреспондирующей законам о полиции, о ФСБ и т.п., на наш взгляд, нельзя объяснить ничем иным, как недоработкой законодателя. Фактическое задержание и доставление может быть проведено и в соответствии с Законом о ФСИН служащими пенитенциарной системы, деятельность которых является предметом еще одной самостоятельной правовой отрасли — уголовно-исполнительного права и т.д.

Конечно, если исходить из рассмотренного выше широкого (управленческого) подхода к сущности административной деятельности, предполагающего включение в сферу адми-

нистративно-правового регулирования любых законных форм и методов работы представителей публичной власти, то данный вопрос теряет свою актуальность. Но если все-таки отталкиваться от узкого (отраслевого) понимания административного права, имеющего свой строго определенный предмет и свои строго определенные нормативные источники, то многие активно применяемые правоохранительными органами приемы фактического задержанного и доставления лица просто лишаются своей правовой основы.

Таким образом, на основании изложенного представляется, что фактическое задержание потенциального подозреваемого и его доставление в органы предварительного расследования имеют не столько административную, оперативно-розыскную, пенитенциарную или какую-либо еще направленность, сколько более общий, комплексный характер, который выражается:

а) в конституционно-правовом базисе, обусловленном вынужденным ограничением одной из основных конституционных ценностей — свободы и личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции РФ);

б) в предопределенном Конституцией РФ межотраслевым механизме фактического задержания и доставления лица в органы предварительного расследования (равно как и к должностным лицам, осуществляющим производство по делам об административных правонарушениях).

С одной стороны, подобный двухуровневый (конституционный и межотраслевой) подход никоим образом не противоречит общепринятой методологии права, отраслевому построению национальной правовой системы. В свое время О. Е. Кутафин писал, что в предмет конституционного права помимо всего прочего входят и как бы отраслевые общественные отношения, имеющие основополагающее значение для тех сфер, в которых они складываются. Ученый говорил об их многогранности, о возможности их влияния не на одну, а одновременно на многие сферы жизнедеятельности⁴². Представляется, что сквозь призму данного тезиса конституционное право на свободу и личную неприкосновенность — это тот самый основополагающий стержень, на который на-

⁴¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп.).

⁴² Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М. : Юрист, 2001. С. 25—26.

низаны более частные правоотношения, которые на сегодняшний день входят в предмет административного, оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного и других отраслей права и как бы имплементируют ст. 22 Конституции РФ в практику задержания и доставления лица различными правоохранительными органами.

Более того, полагаем, что рассмотрение фактического задержания и доставления в конституционно-правовом и межотраслевом аспекте в конечном счете должно обусловить формирование некоего единого механизма реализации указанных полномочий (или по крайней мере единообразных подходов к ним) в различных формах юрисдикционной деятельности различными правоохранительными органами в целях решения стоящих перед

ними задач и осуществления возложенных на них функций. Кстати, на необходимость унификации различных по своей правовой природе процедур, связанных с задержанием лица, обращают внимание и другие ученые⁴³.

С другой стороны, рассмотрение фактического задержания и доставления не с отраслевых, а с более общих конституционных и межотраслевых позиций будет способствовать нивелированию или по крайней мере переосмыслению многих зреющих годами проблем теории и практики уголовного судопроизводства, в частности, извечных вопросов о моменте фактического задержания, об обеспечении задержанному защитника, о правовой природе так называемого гражданского задержания и т.д., которые мы постараемся рассмотреть в последующих работах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев В.Н., Богацкий Ф. А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. — Калининград : КЮИ МВД России, 2006. — 160 с.
2. Бекешко С.П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. — Минск : Вышэйшая школа, 1969. — 128 с.
3. Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилев А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. — М. : Академия МВД СССР, 1975. — 93 с.
4. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. — М. : Юрид. лит., 1975. — 176 с.
5. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. — Омск : ОМА МВД России, 2003. — 320 с.
6. Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. — М. : ЮрИнфор, 1999. — 542 с.
7. Гуткин И. М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учебное пособие. — М. : Академия МВД СССР, 1980. — 89 с.
8. Давыдов М. В. Проблемы правового регулирования исчисления срока задержания полицией: административный и уголовно-процессуальный аспект // Российская юстиция. — 2016. — № 10. — С. 56—59.
9. Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. — М. : Экзамен, 2005. — 320 с.
10. Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. — М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1967. — 160 с.
11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. В. Мозякова. — М. : Экзамен XXI, 2002. — 864 с.
12. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. — М. : Юрид. лит., 1989. — 640 с.
13. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2016. — 1278 с.
14. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. — М. : Юрист, 2001. — 444 с.
15. Мачарашвили Т. М. Момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : сборник материалов Международной научно-практической конференции. — М. : Академия управления МВД России, 2015. — Ч. 2. — С. 69—72.

⁴³ Давыдов М. В. Проблемы правового регулирования исчисления срока задержания полицией: административный и уголовно-процессуальный аспект // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 59.

16. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / М. Е. Токарева, Н. В. Буланова, Е. В. Быкова [и др.] ; под ред. М. Е. Токаревой — М. : Юрлитинформ, 2005. — 184 с.
17. Мирский Д. Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды Иркутского университета. — Т. 45. — Серия юридическая. — Вып. 8. — Ч. 4 (Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству). — Иркутск : Иркутский госуниверситет, 1969. — С. 294—301.
18. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. — М. : Наука, 1989. — 256 с.
19. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. — М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1956. — 271 с.
20. Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. — М. : Госюриздат, 1961. — 277 с.
21. Россинский Б. В. Размышления о государственном управлении и административной ответственности // Административное право и процесс. — 2016. — № 5. — С. 6—24.
22. Россинский С. Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу : дис. ... д-ра юрид. наук. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015. — 525 с.
23. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского госуниверситета. — 2006. — № 3. — С. 140—144.
24. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. В. Смирнова. — 3-е изд. — М. : КноРус, 2007. — 704 с.
25. Супрун С. В. Фактическое задержание: буквальное толкование п. 15 ст. 5 УПК // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2011. — № 4 (43). — С. 25—27.
26. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. — М. : Формула права, 2007. — 485 с.
27. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — 3-е изд. — М. : Норма, 2013. — 1008 с.
28. Цоколова О. И. Фактическое задержание // Законность. — 2006. — № 3. — С. 25—28.
29. Чернова С. С. Меры уголовно-процессуального принуждения. — 2-е изд. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 200 с.
30. Шамсутдинов М. М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 2. — С. 169—174.
31. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. — Минск : БГУ имени В. И. Ленина, 1974. — 144 с.
32. Яшин В. Н. О некоторых проблемах института задержания подозреваемого в отечественном уголовном процессе // Юриспруденция. — 2017. — № 7. — С. 40—45.

Материал поступил в редакцию 6 марта 2018 г.

REFLECTIONS ON THE LEGAL NATURE OF SUSPECT DETENTION AND BRINGING HIM TO AN INVESTIGATION AGENCY

ROSSINSKY Sergey Borisovich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
s.rossinskiy@gmail.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article raises the problems of the legal nature of the actual detention and bringing a person to the investigative agency or to the investigator preceding his detention on suspicion of committing a crime in the order prescribed by Ch. 12 of the Criminal Procedure Code.*

A systematic analysis of doctrinal sources, provisions of domestic legislation, some normative legal acts of the states that emerged instead of the former Soviet Union, and the European Court of Human Rights jurisprudence allows us to conclude that neither factual detention nor bringing to the investigative agency or investigator can be recognized as objects of criminal procedural regulation because of heterogeneity of corresponding legal relations, as compared with "classical" public law relations that have been developing in the sphere of criminal justice.

Moreover, neither factual detention nor bringing to the investigative agency or investigator can be recognized as elements of merely administrative law enforcement activities.

The author comes to the conclusion that the factual detention of a potential suspect and his bringing to the investigative agency or investigator are of complex nature because they are based on the constitutional law provisions and on the inter-branch mechanism, based on the same constitutional law provisions, of restricting the individual's right to freedom and personal integrity, including administrative, operational-search, penitentiary and other aspects.

Dealing with actual detention and bringing to the investigative agency or investigator in the constitutional law and inter-branch contexts should result in the formation of a sole mechanism for the implementation of these powers in various forms of jurisdictional activity by various law enforcement agencies.

At the same time, this will facilitate leveling and reconsideration of many problems of theory and practice of criminal justice maturing for years, namely: issues concerning the moment of factual detention, appointing a counsel for the detained person, the legal nature of so-called civil detention, etc.

Keywords: suspect detention, actual detention, bringing to the investigative agency or investigator, administrative detention, measures of criminal procedure compulsion, right to freedom and integrity of a person, subject of the criminal procedural regulations, criminal and procedural legal relationship, subject of administrative law regulation, criminal-procedural form.

REFERENCES

1. Avdeev V.N., Bogatsky F.A. Podozrevaemyy v ugovnom sudoproizvodstve rossii [A suspect in the criminal proceedings of Russia]. Kaliningrad, KLI of the MIA of Russia, 2006. 160 p.
2. Bekeshko S.P., Matvienko E.A. Podozrevaemyy v sovetskom ugovnom protsesse [A Suspect in the Soviet criminal process]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1969. 128 p.
3. Berezin M.N., Gutkin I.M., Chuvilev A.A. Zaderzhanie v sovetskom ugovnom sudoproizvodstve [Detention in the Soviet criminal proceedings]. Moscow, Akademiya MVD SSSR Publ. [Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ.], 1975. 93 p.
4. Bozhiev V.P. Ugolovno-protsessualnye pravootnosheniya [Criminal-procedural legal relations]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1975. 176 p.
5. Bulatov B. B. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugovnom sudoproizvodstve [State coercion in criminal proceedings]. Omsk, OmA MVD Rossii Publ. [The OmA of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.], 2003. 320 p.
6. Grigoryev V.N. Zaderzhanie podozrevaemogo [Detention of the suspect]. Moscow, YurINFOR, 1999. 542 p.
7. Gutkin I.M. Aktualnye voprosy ugolovno-processualnogo zaderzhaniya : uchebnoe posobie [Actual issues of criminal procedural detention: A Study Guide]. Moscow, Akademiya MVD SSSR Publ. [Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ.], 1980. 89 p.
8. Davydov M.V. Problemy pravovogo regulirovaniya ischisleniya sroka zaderzhaniya politsiy: administrativnyy i ugolovno-protsessualnyy aspekt [Problems of the legal regulation of calculation of the period of detention by the police: Administrative and criminal procedural aspect. Rossiyskaya yustitsiya. 2016. No. 10. P. 56—59.
9. Zaitsev O.A., Smirnov P.A. Podozrevaemyy v ugovnom protsesse [A Suspect in the criminal process]. Moscow, Ekzamen, 2005. 320 p.
10. Kozlov Yu. M. Predmet sovetskogo administrativnogo prava [The subject of Soviet Administrative Law]. Moscow, MGU imeni M.V. Lomonosova Publ. [Lomonosov Moscow State University], 1967. 160 p.
11. Kommentariy k ugolovno-protsessualnomu kodeksu rossiyskoy federatsii [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. V. V. Mozyakov (ed.). Moscow, Ekzamen XXI Publ, 2002. 864 p..
12. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. Obshchaya chast [The course of the Soviet criminal process. General Part]. Ed. by A.D. Boykov, I.I. Karpets. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1989. 640 p.
13. Kurs ugolovnogo protsess [The course of the criminal process]. Ed. by L. V. Golovko. Moscow, Statut Publ., 2016. 1278 pp.
14. Kutafin O.E. Predmet konstitutsionnogo prava [Subject of Constitutional Law]. Moscow, Yurist Publ., 2001. 444 p.
15. Macharashvili T.M. Moment fakticheskogo zaderzhaniya litsa po podozreniyu v sovershenii prestupleniya [The moment of actual detainment of a person on suspicion of committing a crime]. Organizatsiya deyatelnosti

- organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskie, pravovye i kriminalisticheskie aspekty (k 60-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy) : sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Organization of the activity of crime investigation bodies: administrative, legal and forensic aspects (devoted to the 60th Anniversary of the Department of Administration of Crime Investigation Bodies): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference].* Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii [Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2015. Part 2. P. 69—72.
16. Mery protsessualnogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam [Measures of procedural coercion in pre-trial proceedings in criminal cases]. M.E. Tokareva, N.V. Bulanova, E.V. Bykova et al. M. E. Tokareva (ed.). Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 184 p.
 17. *Mirsky D.Ya.* Pravovaya priroda zaderzhaniya litsa, podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya [The legal nature of the detention of a person suspected of committing a crime]. *Trudy Irkutskogo universiteta [Proceedings of the Irkutsk University]. Seriya yuridicheskaya. Vyp. 8. Ch. 4 (Voprosy borby s prestupnostyu po sovetskomu zakonodatelstvu [Issues of combating crime under Soviet law].* Irkutsk, Irkutskii gosuniversitet [Irkutsk State University], 1969. P. 294—301.
 18. *Petrukhin I.L.* Neprikosновенность личности и принуждение в уголовно м протсессе [Integrity of a person and coercion in criminal proceedings]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 256 p.
 19. *Polyansky N.N.* Voprosy teorii sovetskogo ugovolnogo protsessa [Issues of the theory of the Soviet criminal process]. Moscow, MGU imeni M.V.Lomonosova [Lomonosov Moscow State University]. 1956. 271 p.
 20. *Rakhunov R.D.* Uchastniki ugovolno-protsessualnoy deyatel'nosti [Participants in criminal procedure activity]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 277 p.
 21. *Rossinsky B.V.* Razmyshleniya o gosudarstvennom upravlenii i administrativnoy otvetstvennosti [Reflections on public administration and administrative responsibility]. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Process]*. 2016. No. 5. P. 6—24.
 22. *Rossinsky S.B.* Kontseptualnye osnovy formirovaniya rezultatov «neverbalnykh» sledstvennykh i sudebnykh deystviy v dokazyvanii po ugovolnomu delu : dis. ... d-ra yurid. nauk [Conceptual basis for the formation of the results of “non-verbal” investigative and judicial actions in proving in a criminal case. Doctoral Dissertation]. Moscow, Universitet imeni O.E.Kutafina (MGYuA) [Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. 2015. 525 p.
 23. *Rossinsky S. B.* Ugolovno-protsessualnaya forma: ponyatie i tendentsii razvitiya [Criminal procedural form: The concept and development tendencies]. *Vestnik Orenburgskogo gosuniversiteta [The Bulletin of the Orenburg State University]*. 2006. No. 3. P. 140—144.
 24. *Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B.* Ugolovnyi process : Uchebnik [Criminal process : A Textbook]. A. V. Smirnov (Ed.). 3rd ed. Moscow, KnoRus Publ., 2007. 704 p.
 25. *Suprun S.V.* Fakticheskoe zaderzhanie: bukvalnoe tolkovanie P. 15 st. 5 UPK [Actual detention: literal interpretation of Para 15 of Art. 5 of the Criminal Procedure Code]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2011. No. 4 (43). P. 25—27.
 26. *Tikhomirov Yu. A.* Upravlenie na osnove prava [Management on the Basis of Law]. Moscow, Formula prava Publ., 2007. 485 p.
 27. Ugolovno-protsessualnoe pravo rossiyskoy federatsii : uchebnik [Law of Criminal Procedure of the Russian Federation: A Textbook]. Ed. by P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2013. 1008 p.
 28. *Tsokolova O. I.* Fakticheskoe zaderzhanie [Actual detention]. *Zakonnost*. 2006. No. 3. P. 25—28.
 29. *Chernova S.S.* Mery ugovolno-protsessualnogo prinuzhdeniya [Measures of criminal procedure coercion]. 2nd ed. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 200 p.
 30. *Shamsutdinov M.M.* Nekotorye problemy zaderzhaniya po UPK RF [Some problems of detention under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]*. 2015. No. 2. P. 169—174.
 31. *Shpilev V.N.* Nekotorye sodержание i formy ugovolnogo sudoproizvodstva [The content and forms of criminal proceedings]. Minsk, BGU imeni V.I. Lenina Publ., 1974. 144 p.
 32. *Yashin V.N.* O nekotorykh problemakh instituta zaderzhaniya podozrevaemogo v otechestvennom ugovolnom protsesse [On some issues of the institution of detention of a suspect in the domestic criminal trial]. *Yurisprudentsiya*. 2017. No. 7. P. 40-45.